

ВЕЛИЧАЙШИЙ ВЫЗОВ ПОЛОЖИТЕЛЬНОСТИ РЕАЛЬНОСТИ

Запись встречи Хулиана Каррона со студентами научного факультета Миланского государственного университета по случаю смерти Джованни Биццодзеро.
Факультет физики, Милан, 9 ноября 2011 года

Введение. В пятницу утром, узнав о смерти Биццо, Хулиан сказал мне: "Своей смертью Биццо совершил для нас великий жест дружбы, потому что поставил всех нас перед лицом вечного". Благодаря опыту, пережитому в эти дни, я могу сказать, что эти слова истинны. Я хотел бы, чтобы сегодня мы помогли другу смотреть на то, что произошло на самом деле, приняв вызов до конца: можем ли мы и сегодня перед лицом смерти близкого друга сказать, что реальность в конечном счете всегда положительна? По каким знакам в опыте мы можем это утверждать? Перед лицом этого вопроса мы ставим на карту всю жизнь. Я хочу, чтобы мы помогли друг другу ответить на терзающие нас вопросы. Хулиан принял приглашение прийти к нам. Это огромная возможность, поэтому давайте не будем терять время.

Выступление. Мне не удалось умалить смерть Биццо. Я потрясен и мне до сих пор трудно осознать это до конца. В тот вечер я смотрел на его тело и говорил себе: где же положительная реальность? Где? В эти дни мне необходимо христианство, которое ответило бы до конца на все то, что произошло. Два примера. Когда мы читали молитву Розария, я услышал, как отец говорит маленькому сыну: «Джованни не уходит - он остается здесь, с нами». Это сразу вызвало у меня реакцию: что же это значит? Это просто слова, которые мы говорим детям, чтобы утешить их, или это действительно правда? Какие факты говорят мне о том, что Биццо не канул в «никуда»? Что мне говорит о том, что Биццо достиг полноты? Это скачок, который не под силу понять разуму? Все это время меня сопровождают слова его мамы на похоронах: «Ребята, не верьте тому, что все вам говорят. Реальность на самом деле положительна». Эти слова ясно говорят, что существует убедительное христианство, с прочными основаниями, то, которого я ищу, но которое мне не знакомо.

ХУЛИАН КАРРОН. Я не думал, что мы сможем так скоро проверить то, что сказали в День начала года. Но жизнь бросает вызов. И я рад, потому что уже то, как вы задаете вопросы, говорит о разумности пути, по которому мы идем сейчас, потому что, как мы видим, нам не удалось умалить это обстоятельство (как это зачастую происходит). Вопрос поэтому становится еще более решительным: где положительность реальности в этом факте?

В чем новизна ваших выступлений? В том, что вы начинаете предчувствовать, что мы нуждаемся в христианстве, которое могло бы ответить на эти вызовы. Истинно или нет утверждение о том, что реальность положительна, перед лицом подобного факта? Говорим ли мы себе, что она положительна, лишь для собственного утешения?

Вернемся ко Дню начала года - Давиде Проспери закончил свое выступление следующим вопросом: «Итак, если то, в чем мы нуждаемся, чтобы жить (равно как нуждаемся в воздухе, чтобы дышать), – это разум, способный признавать реальность во всей ее глубине, то как рождается и как реализуется такой разум?». И я ответил: «Разум, способный признавать реальность во всей ее глубине, рождается и обретает плоть в христианском событии. Именно с силу этого события разум в полноте осуществляет свою природу – распахнутость откровению Бога». Поэтому отец Джуссани говорит, что «проблема познания» содержится в евангельском эпизоде, рассказывающем об Иоанне и Андрее (*Л. Джуссани. Можно ли жить так? М.: Духовная библиотека, 2007. С. 238*).

Почему? Отец Джуссани сказал: «сердцевина нашего предложения <...> – это радостная весть о совершившемся событии, которое и сейчас настигает людей таким же образом, как две тысячи лет назад весть ангелов в Вифлееме настигла бедных пастухов. Радостная весть о совершившемся событии, предшествующем всякому делению людей на проникнутых религиозным чувством или не проникнутых» (*L. Giussani, Un avvenimento di vita, cioè una storia, Edit-Il Sabato, Roma/Milano 1993, p. 38*).). Как мы ощущаем, что это действительно так? Что происходит, когда христианство входит в нашу жизнь?

Превращает ли оно нас в визионеров, так что мы можем найти утешение от ударов судьбы? Уводит ли оно нас из реальности, или же позволяет нам, как никогда раньше, наконец-то пережить на опыте истинное использование разума? Отец Джуссани сказал, что христианство происходит как событие: оно не происходит тогда, когда мы говорим о нем без толку, и ничего не случается, ни тогда, когда христианство сводится к серии инструкций по использованию: мы продолжаем жить, как все, но добавляем декоративных элементов или занимаемся какой-то деятельностью, чтобы отвлечься... Нет! Христианство происходит только как событие. Что происходит, когда ты влюбляешься? Что-то происходит в твоём «я» или нет?

Если христианство не происходит, не является событием, тогда ясно, что перед всеми этими фактами, мы будем растеряны, как и все остальные. Но когда оно происходит, что именно происходит? Сентиментальность? Это лишь эмоция? Это лишь применение инструкций? Джуссани говорит: «Событие возрождает или усиливает изначальное чувство зависимости и укрепляет в человеке то ядро очевидных данностей, которое мы называем “религиозным чувством”». И что же означает фраза о том, что событие возрождает и укрепляет «я» человека? Христианское событие делает человека человеком, то есть более способным жить согласно его изначальным потребностям, более способным удивляться реальности, проживать реальность соответственно ее истине, потому что он становится способным использовать разум согласно его истинной природе, то есть распахнутости полноте реальности.

Итак, когда мы находимся перед фактом смерти Джованни, каждый из нас волей-неволей проверяет, произошло ли для него христианство как событие. Каждый знает, является ли христианство лишь утешением или же произошло то, из-за чего ничто – даже настолько драматичный факт – не может «закрыть» разум и препятствовать признанию всей реальности. Я бросаю вам вызов! Я думал об этом, когда умер мой отец: представьте себе Иоанна и Андрея. Они жили рядом с Ним, они видели Его, они видели, то, что видели – все факты, знаки, документы о том, кем Он был... До самого последнего момента: они видели Его воскресшим. Представьте себе, когда умер первый из его учеников: они находились в той же ситуации, что и мы сейчас – перед другом, который умер. Что они думали? Что они никак не могли выбросить из головы? Тот факт, что они видели Христа живым. Живым! И только благодаря тому, что они видели Его живым, они могли использовать «открытый», а не закрытый разум, не останавливаясь на видимости реальности. Они не могли больше смотреть на гроб своего друга, не имея перед глазами того, что они видели. Они были визионерами? Или же это тот факт позволял им использовать разум соответственно его природе?

Без этого, если христианство не происходит в нас как событие, любой факт – не только лишь такая драма, как смерть друга – будет «закрывать» нас. И мы будем смотреть на реальность, как и все. Но когда Иоанн и Андрей думали о Нем – это было для утешения или же это было фактом познания, который они не могли выбросить из головы? Это было реальным или же нет? Каждый должен решить. Что сложнее: признать, что сейчас никто из нас не дает жизнь самому себе (нужно ли быть визионерами, чтобы признать это?) или признать, что Тот, Кто дает нам жизнь, может снова дать ее навсегда? Разве признание

того факта, что сейчас никто из нас не дает жизнь самому себе, не делает нас способными признать, что Тот, Кто дает нам жизнь, может снова дать нам ее навсегда? Нам было видение, которое заставило нас думать, что мы не даем жизнь самим себе, или же это использование разума позволяет нам не быть настолько сумасшедшими и самонадеянными, чтобы думать противоположное? А если не мы даем ее себе, повторяю, Богу сложнее дать жизнь сейчас, либо снова дать ее потом навсегда?

Проблема в том, что мы прячем голову в песок: мы не признаем присутствующие вещи как присутствие. Мы воспринимаем все, как само собой разумеющееся. И поскольку мы не удивляемся каждое утро тому, что жизнь дана нам, нам трудно понять, что Тот, кто дает нам жизнь сейчас, может сейчас дать жизнь Джованни. Но как нам удастся объяснить это самим себе? Что позволяет нам использовать разум подобным образом? Только такой опыт, который мы переживаем, способен не закрывать вопрос. Без этого мы можем думать о вере только как об утешении. Рационализм, то есть ограниченное использование разума, настолько захватил нас, настолько проник в нас, что мы не можем признать, что христианское событие позволяет разуму признать реальность соответственно всем факторам.

Именно этому христианство как событие бросает вызов и опровергает. Если мы с самого начала ощущаем, что происходит нечто, переворачивающее жизнь, дающее жизни такую интенсивность, о которой мы не могли даже мечтать, тогда разрушается мера нашего разума, и мы начинаем открываться. И когда мы начинаем использовать разум таким образом, мы не можем больше смотреть на реальность, не думая о Тайне, которая обитает в ней. Вплоть до того, что мы сможем в любых обстоятельствах сказать, что реальность положительна именно из-за той Тайны, которая в ней обитает. Не потому, что мы делаем ее положительной, но потому что нам не удастся - в силу того, что происходит, - втиснуть ее в нашу мерку. Происходящие факты разбивают нашу мерку. Поэтому христианство, как ничто иное, является вызовом тому, как мы используем разум. И открывает, пробуждает и укрепляет не видения, но разум! Если бы мы видели видения, те вещи, которые мы говорим, не были бы фактами, пережитыми на опыте. Все было бы виртуальным, но все мы знаем, чем отличается виртуальное от реального. Если же нет, жизнь заставит нас это понять.

Выступление. Я хотела рассказать тебе, что произошло со мной в эти дни. В пятницу утром Риккардо сказал мне: «Этой ночью умер Биццо». Внезапно я отдала себе отчет в том, что жизнь, все существование, - это нечто совершенное иное в сравнении с моими возможностями. То есть, моя жизнь на самом деле не зависит от меня. Мое бытие, бытие Биццо или других близких мне людей, как бы я ни была благодарна за их присутствие, не зависит от меня. Я глубоко осознала, что я - творение, Биццо - творение, мы сотворены. Даже для своих родителей я стала сюрпризом. Я осознала, что мои родители не знали заранее, какими будут мои черты, мой характер, мой нрав. Мое существование удивительно даже для меня. И тогда возник вопрос: но кто же сотворил меня? Кто задумал меня? Я столкнулась с тем фактом, что Кто-то прежде, чем кто-либо другой, пожелал дать жизнь Биццо, и это не просто слова: Кто-то создал его, извлек из ничего, дал ему бытие, дал жизнь каждой клеточке его плоти, придумал для него неповторимое лицо. Я постоянно думаю о том, что нас могло бы не быть, но мы есть. Я осознала, что мое бытие, бытие Биццо, - это Чье-то дело, непрерывное действие Другого. Как можно перед этим думать, что Тот, Кто возжелал Биццо больше чем кого-либо другого, в определенный момент мог забыть о нем, перестать о нем заботиться? Поэтому, когда я слышала, что кто-то говорил: «То, что случилось, не имеет смысла», я ощущала страшный бунт. Я хотела сказать: как может быть, что Тот, Кто был верен Биццо больше, чем любой из нас, больше, чем его друзья, давая ему бытие мгновение за мгновением, мог забыть о нем, о Биццо? Стоя перед телом в морге я спрашивала себя: где же на самом деле сейчас Биццо?

Из-за того, что так ясно я признала, что все мы являемся творениями, я не могла не ответить: он вернулся к Отцу, он сейчас в объятиях Отца. На похоронах мне пришли на ум эти слова из Библии: «любовью вечною Я возлюбил тебя и потому простер к тебе благоволение» (см. Иер. 31,3). Я трепетала от признания того, что была сотворена Другим, я была желанна, именно я. Я осознала, что я чадо Божие, точка реальности, затронутая Тайной и желанная ею. И я спрашиваю себя: зачем мне была дана жизнь? Каково мое задание? И меня охватило головокружительное желание жить в послушании Отцу. Когда на кладбище закрыли могилу, в этот момент полностью открылась потребность в вечности, и вернулся тот вопрос, который меня сопровождает и ранит меня: что может существовать всегда? Что во мне вечно? Невыносимо думать, что моя жизнь – это просто миг времени.

Перед великой потребностью моего сердца и перед Биццо, которого мы похоронили, я с волнением признала, что любовь Бога ко мне, к нам, его творениям, вечна. Я вижу полное несоответствие между сознанием себя как творения, чада Божия, сознанием, которого страстно жаждет мое сердце, и умаленным представлением о себе. Я хотела спросить тебя: каким образом это сознание, проявившееся так ясно в эти дни, может упрочниться, укорениться во мне? Я вижу, что оно легко затуманивается, прикрывается тысячами переживаний; и тогда жизнь становится уже не призывом, а источником беспокойства, и возвращается страх и ужас, что в этом послушании Отцу я могу что-то потерять.

КАРРОН. Марта, каким образом ты пришла к этому сознанию?

Выступление. Начиная с прошлого года, работая над текстом Духовных Упражнений, я чувствовала внутри себя рану и нужду. За все это время я не нашла ничего, что ответило бы на мою нужду так же, как Христос.

КАРРОН. Именно так. Мы приходим к пониманию не потому, что говорим эти вещи, - мы понимаем их только тогда, когда они происходят. Почему мы такие? Разум, способный признавать реальность во всей ее глубине, рождается и реализуется в христианском событии. Мы участвуем в этом событии внутри христианской общины, только если мы живем в такой христианской общине, которую она описала: христианская община, которая постоянно бросает нам вызов, рождает факты, которые постоянно воспитывают нас к этому. Действительно, даже такое скорбное событие не способно сохранять нашу рану открытой, потому что разум оступается. Мы слышали это много раз на Школе общины, либо в письме того парня из Рима, которое я читал на Дне начала года: когда он лежал в больнице, все было новым, ничто не воспринималось как само собой разумеющееся. Это значит, что даже такой факт, который поражает нас так сильно, не в силах держать открытым наш разум. Когда он вышел, то снова стал воспринимать все как само собой разумеющееся. Значит, даже факт, который так сильно нас ранит, не способен сохранять открытым наш разум. Это возможно только внутри христианской общины, и это многое говорит о том, чем для нас является христианская община.

Когда мы отдаем себе отчет в том, что только христианская община позволяет нам проживать реальность, как об этом свидетельствовала Марта, то что же этот факт говорит о христианской общине? Что это такое? Почему группа простых, имеющих множество ограничений людей (это знает каждый из вас, если он минимально сознателен) может так сильно помочь другим подлинно проживать реальность? Потому что мы молодцы? Нет,

мы все знаем, что это не так: «Только божественное [говорил отец Джуссани о Христе, как самом поразительном знаке Того, кому он принадлежал] может «спасти» человека, то есть истинные и сущностные измерения человеческой личности» (У истоков христианского притязания, Rizzoli, Milano 2011, p. 111) и помочь им проявиться в сознании каждого из нас. Итак, когда мы говорим о христианской общине таким образом, то это говорит о ее истоках: в глиняных сосудах, которые есть мы с вами, содержится божественное. Потому что никакой другой факт, как бы сильно он не затронул нас, не может сохранять нас «открытыми», Марта. Даже такое потрясение, как смерть друга.

То, что поражает меня в свидетельстве Марты, - это взгляд, который, когда кажется, что все разваливается, позволяет ей использовать разум именно так, как она его использовала. Она не сказала нам, что у нее было видение, которое помогло ей пережить это. Она использовала свой разум, то есть смотрела на себя, не воспринимая себя при этом как сам собой разумеющийся факт! Она смотрела на себя как на творение, видела свое присутствие как нечто удивительное, а не как само собой разумеющееся! Вплоть до признания Кого-то, Кто пожелал дать Биццо жизнь, потому что жизнь – это непрерывное действие Другого. Вплоть до того, что ты чувствуешь бунт внутри себя, когда кто-то пытается умалить этот факт. Какой бунт! Все «я», каждая клеточка бытия бунтует против этого умаления реальности.

Именно из-за того, что христианство порождает такого человека, человека, способного не умалять реальность, который бунтует, если видит, что кто-то умаляет ее, человек начинает понимать, что Тот, кто силен породить нас, может дать нам жизнь навсегда. Мы рождены, чтобы жить всегда. Если есть Кто-то, у Кого есть сила, энергия породить нас из ничего, то разве будет ли для Него проблемой дать нам вечную жизнь! Почему я могу говорить это? Достаточно, чтобы каждый подумал о том, что произошло в его жизни, когда в ней «произошел» Христос, и «произошел» не просто как имя! Ту интенсивность жизни, способность находиться в реальности, ту положительность во взгляде на все, то сознание себя, то удивление перед собой, ту интенсивность, ту большую человечность – разве ты сам даешь себе все это? Ты не способен дать себе даже самой мелочи. Итак, единственная возможность объяснить тот факт, что это мы первыми удивляемся этой интенсивности жизни, интенсивности, настолько несоразмерной нашим усилиям и попыткам, - это уступить очевидности Другого, присутствующего среди нас, потому что так очевидно, что нам самим невозможно придумать Его.

Это означает, что Он действует, и поэтому мы не остаемся наедине со своим ничтожеством. Реальность положительна, потому что есть Он, потому что Он и есть реальность, говорит Св.Павел (см. Кол. 2,17). Реальность положительна, потому что она есть, и поэтому мы можем признать ее. И в этот момент. Точнее, этот момент – это то, что бросает нам вызов больше, чем любой другой факт: это пробуждает в нас настолько сильный вопрос, что мы должны найти ответ, соответствующий масштабу вопроса.

Мы должны осознать, что же такое жизнь, которая была нам дана и которая нам дается, в чем заключается интенсивность жизни, которую мы встретили в христианском событии: только это позволит нам избежать умаления разума. Потому что мы не говорим об абстрактных теориях, но о жизни, друзья мои: если та жизнь, которую мы проживаем здесь, сейчас не является истинной, если это не жизнь, если она не реальна, то даже смерть Биццо не будет реальной. Реальна ли жизнь? Реальна ли интенсивность жизни, которую мы отрываем в себе, живя верой, она реальна или нет?

То есть все дело в том, что эта реальность имеет реальное основание – Кого-то реального. Это не виртуальное явление. Начало должно быть таким же реальным, как

жизнь, которая была нам дана, как интенсивность жизни, как переизбыток жизни, которую приносит Христос. Реальным! Это настолько верно, что вне христианства мы не могли бы даже мечтать об этом.

Поэтому перед таким фактом, как смерть Джованни, тот, кто не пережил христианство как реальное событие, впадает в растерянность, в нем побеждает рационалистическое мерило, и таким образом, он не понимает ничего. Он переживает драму вопроса без возможности ответа на него. Но мы не изобретаем ответ, мы не берем его с потолка, мы не визионеры: ответ внутри нас, в каждой клетке бытия, мы не можем вырвать его из бытия. Мы не придумываем его специально для ответа на этот вопрос. И мы действительно отдаем себе отчет в том, что же произошло в жизни, какая благодать была нам дарована, именно тогда, когда встречаем такой мощный вызов.

Выступление. Марта рассказала мне об этом в пятницу вечером. Это было для меня большим вызовом. Меня охватила невыносимая тревога и пустота, со своими друзьями я была молчалива, не знала, что сказать за обедом, за ужином... Я пыталась полностью вжиться в то, о чем мне рассказала Марта, я уверяю тебя, я искренне пыталась это сделать. Потому что между тем, что происходило, и мной не было никакой защитной преграды. Но мне это не удавалось: я не могу найти покоя...

КАРРОН. Что ты вынесла из этого? Видите? Если вера не «происходит», если христианство не является событием, нам не удастся убедить себя нашими попытками. Попробуйте! Разве мы все это придумали? Ей бы этого хотелось, она бы все для этого сделала. Но нам это не удастся. Видите, как появляется ложь? Лживые обвинения тех, кто говорит, что мы все придумали сами. Ни за что на свете ей не удалось бы придумать всего этого! И это спустя две тысячи лет после Воскресения Иисуса, понимаете? Спустя две тысячи лет после того, как кто-то сказал, что Иисус воскрес. Но даже спустя две тысячи лет, на протяжении которых мы слышали это тысячи раз, мы не способны породить этот факт. Итак, как сказал много лет назад в Вероне Папа Бенедикт XVI, чем является вера: выдумкой или признанием? Только тот, кто заперся в своей комнатке, может пытаться создать ее и удовлетвориться этим. Но когда жизнь задает серьезные вопросы, то последнее, что приходит нам на ум, - что веру создаем мы. В чем же тогда заключается твоя ошибка? В том, что ты не должна была исходить из старания вжиться в то, что тебе сказала Марта (потому что это легко превращается в твое воображение), но из того, что произошло с тобой в твоей жизни и что ты даже сейчас ты не можешь вырвать из бытия: смерть Биццо заставляет тебя осознать, что ты есть сейчас. Даешь ли ты сама себе жизнь? То есть нам трудно не стать визионерами, а наоборот, признать реальность и исходить из реальности как из опыта. И когда мы пытаемся заменить ее попыткой создать или вообразить что-либо, то мы все больше отдаем себе отчет в том, что не мы порожаем эту реальность. Трудно ли тебе признать, что ты есть? Трудно ли тебе признать, что в этой комнате светло? Или признать, что нас здесь много? Тебе тяжело вжиться в это? Ты не должна вживаться в то, что говорит тебе Марта, просто в ее слова, но вживаться ее слова, учитывая, как она переживает реальность. Таким образом ты начинаешь использовать разум совсем иначе. Но поскольку мы к этому не привыкли, нам очень трудно.

Выступление. Для меня не составляет никакой сложности признать, что я ничтожна, что я хрупка... Потому что это так. Но это не дает мне уверенности в том, что Биццо сейчас достиг завершенности.

КАРРОН. По порядку. Что позволяет тебе понять тот факт, что сейчас ты не творишь себя сама? Вам не нужно исполнять тройное сальто-мортале, но нужно начать использовать разум. Ты не даешь себе жизнь. Что этот факт помогает тебе осознать? Не то, что Биццо

достиг совершенности, но что же тогда? Что же следует из того факта, что ты не даешь сама себе жизнь? Мария, включи голову! Не позволяй себе остановиться! Видите? Мы постоянно позволяем чувствам блокировать нас и превращаемся в глупцов. Глупцов, то есть разум как будто бы парализован. Но ты не дура, потому что если ты учишься в университете... на что-то ты все же способна! Если ты можешь признать, что ты есть сейчас, то самая очевидная вещь – есть Другой, который творит тебя сейчас. Сложно ли тебе признать это? Это первый шаг. Итак, это значит, что Тот, Кто творит тебя сейчас, Тот, Кто создал Биццо, действует в этой реальности: если бы Он не действовал в реальности, тебя бы здесь не было. Если ты смотришь на реальность, исходя только из своих способностей, то думаешь, что в реальности происходит только то, что способна представить твоя ничтожность: поскольку твоя ничтожность, твой разум как мера не способны представить, как твой друг может жить всегда, таким образом, тогда для тебя все это не правда. И если бы кто-то сказал тебе что-то другое, ты решила бы, что это ошибка, потому что в качестве меры ты используешь умаленный разум. Но сколько раз в твоей жизни происходили вещи, о которых ты даже не думала? «Ведь много скрыто в небе и земле таких вещей, Горацио, что не снились всей вашей философии» (У.Шекспир, «Гамлет», Акт I, Сцена V). Когда мы говорим, что разум для нас – это мера, говорим ли мы о проблеме философов, тех, для кого отвечать на такие вопросы, - работа? Когда происходит то, что не укладывается в рамки нашего воображения, нашей меры, нашей способности представить, как это может произойти, мы говорим: «Это невозможно». Мы отрицаем категорию возможности, то есть отрицаем разум. Итак, мы заблокированы. Но это правда или нет? В твоей жизни случилось много такого, чего ты даже не представляла: да или нет? Эта мера была превышена в твоей жизни тысячи раз: да или нет? Итак, кто может сказать тебе, что ее нельзя превысить еще раз?

Как вы видите, это более медленный путь, но он помогает нам использовать разум. Если ты перечитаешь сейчас «Религиозное чувство», то увидишь, что сейчас мы вместе стараемся научиться использовать разум, не совершая ни одного шага, если уже не увидели его в опыте, в реальности. У нас нет необходимости убедить самих себя: у нас есть необходимость заметить. Это разные вещи. Потому что тебе совсем не сложно заметить то, о чем я говорю тебе сейчас, в той мере, в какой я тебе объясняю это и указываю тебе на факты: я не пытаюсь убедить тебя в том, чего нет, либо в том, чего ты не видишь, чтобы ты сказала мне «да». Мне не нужно убеждать тебя в том, что в этой комнате светло. Это то же самое: та возможность, которая сейчас не приходит тебе на ум, делает возможной Тот, Кто дает тебе жизнь сейчас. И только если ты это принимаешь, то можешь ответить на свой насущный вопрос.

Такой вызов бросают нам обстоятельства, жизненные факты. И ты найдешь ответ, только если примешь этот вызов, эту провокацию реальности, не останавливаясь до тех пор, пока не найдешь адекватную причину. Если мы упускаем эту возможность и если думаем, что кто-то может избавить нас от этого пути, то мы оказываемся в меньшей степени людьми. Необходимо воспитание: не придумывать то, чего нет, но замечать то, что есть.

Выступление. Я хотел рассказать, что случилось со мной. Когда я узнал о смерти Джованни, я спросил себя, что делать. Потом, когда я пришел в морг, Фео повторил мне твои слова: «Последним дружеским поступком Джованни поставил нас перед вечностью». С этого момента начался мой путь. Я начал смотреть на вещи, как на данность: на его дружбу, отношения с другими, свои обязанности... Вплоть до того, что я смог сказать ничуть не лукавая: «Я есть Ты, творящий меня». У меня сразу же появилось желание не терять время. И когда я вернулся к учебе, меня впечатлило, что все занимались (а ведь была пятница: до 19 часов там было человек 20). Потом я принес на занятия листовку, потому что я хотел сказать: я понимаю сейчас, что реальность такова, то есть что в глубине реальности скрыта благая Тайна. И когда я в нерешительности подошел к

профессору (потому что нерешительность не исчезает), это соответствовало мне, потому что этим я как бы сказал: «Я являюсь этим отношением с Христом». Сейчас страдание велико, и даже утром, чтобы вставать, нужно принять решение. Но сегодня я пошел на лекции и раздавал листовки своим однокурсникам, чтобы сказать именно это. Я шел сюда с вопросом: как я могу стать похожим на Джованни, который отдал все? Но все же я замечаю, что уже все есть: сегодня, когда я шел на занятия, мне не нужна была поддержка друга, который раздавал бы листовки вместе со мной, мне не нужна была дополнительная уверенность. Но я есть это отношение, и я говорю это всему миру. И благодаря этому я начинаю понимать, что все действительно есть благо.

КАРРОН. Ты вернулся в университет после смерти друга и увидел, что все были там и занимались: этот факт кажется банальным, абсолютно банальным, простым, который можно посчитать само собой разумеющимся. Но можно ли объяснить это, если не произошло что-то другое? Итак, ты начинаешь говорить: «Я есть Ты, творящий меня» не лукавя. Что-то начинает изменяться в том, как ты переживаешь реальность. Случается что-то, из-за чего все начинает быть другим, новым. Я есть это отношение - это и есть происходящее событие. И оно позволяет мне учиться спокойно, даже среди страдания, позволяет мне дать листовку профессору, позволяет мне входить в аудиторию, заставляет меня жить интенсивно. Но именно из-за боли, которая охватывает меня, я нуждаюсь в памяти о Христе, чтобы пережить ее. Я должен использовать разум, не умаляя его.

Что такое память о Христе? Снова начать использовать разум соответственно его природе! То есть не умалять мое «я» до настроения. Если ты умаляешь все до настроения, то спустя несколько дней ты больше не выдержишь. И кто-то мог бы сказать: «Вот он чувствует смерть Джованни...». Напротив, заверю я вас, если бы вы остались на этом уровне, вы долго не выдержали бы: вы почувствовали бы необходимость все забыть, чтобы продолжать жить дальше. И только тот, у кого нет потребности забыть (более того память об этом возрождает память о Христе), тот может находиться перед фактом смерти и может оставаться другом Джованни совсем по-другому. Другим же волей-неволей пришлось бы исключить его из своей жизни. Не из-за того, что они плохие, но потому что они не смогли бы находиться перед этим фактом и должны были бы забыть. И вместо того, чтобы находиться перед вечностью, они должны были бы вернуться к обычной лжи и умалять реальность до видимости.

Напротив, каждый раз, когда мне больно, когда я ощущаю рану, если это становится поводом для «памяти», то мы увидим, что Джованни останется нашим другом. В большей степени другом, чем когда-либо. Потому что смерть Джованни действительно позволила нам жить перед истиной, то есть перед вечным. И это является суждением о наших дружеских отношениях, которые часто вместо того, чтобы помочь нам жить перед вечным, заставляют нас его забыть, заставляют нас отвлечься от вечного. Но что это за дружба? Это как если бы смерть друга прижала нас к стенке: что же это за дружба, если она не помогает нам смотреть на этот факт? Если мы не являемся друзьями перед лицом смерти, то мы не можем быть друзьями и в жизни. Даже если она не ранит нас так сильно, как смерть.

Выступление. В последнее время мне приходилось часто сталкиваться со смертью: полтора года назад в аварии погиб парень, которого я знал со старших классов школы. Уже это стало для меня большим вызовом. Потом, примерно месяц назад, в другом несчастном случае, на работе умер другой мой друг, взрослый человек, мой учитель, тот, кто научил меня многому. И сейчас Джованни, мой большой друг. За эти полтора года, прежде всего, в последнее время, я начинаю понимать одну вещь: я начинаю быть уверенным, что все эти факты связаны между собой. Господь просит меня о чем-то.

Проблема в том, что я сейчас чувствую этот вопрос, но пока не понимаю, чего Он просит у меня.

КАРРОН. Не переживай: когда Бог чего-то хочет, Он даст тебе это понять со всей очевидностью. Успокойся, дай себе время! Подожди и увидишь, что Господь даст тебе все знаки, которые тебе нужны, чтобы понять это.

Закончим такими словами: мы не можем заполнить пустоту перед лицом смерти с помощью нашего воображения. Где сейчас Джованни? Как вы его себе представляете? Когда вы думаете о нем, на чем вы основываетесь? Иисус сказал: «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Ин, 17:3). Вечная жизнь начинает становиться опытом в христианской встрече, в той мере, в какой каждый пережил опыт христианской встречи. И если интенсивность жизни, которую христианская встреча вдохнула в каждую клетку бытия (отец Джуссани говорил: «Лихорадка жизни!»), если это только первый опыт Христа, то представьте себе, какой будет полнота! Итак, думайте о Джованни только таким образом. Иначе мы своим воображением наполним то, о чем не имеет представления. Тайна загадочна, но нам кое-что известно об этой Тайне. Потому что Христос открыл это нам, и мы начали испытывать это на опыте.

Поэтому единственная возможность не наполнить эту загадку с помощью нашего воображения и потом приписать придуманное нами Тайне (что практически неминуемо произойдет, если мы не будем внимательны), заключается в том, чтобы помогать друг другу смотреть на Джованни, исходя из опыта, который мы пережили со Христом. Потому что Джованни сейчас переживает этот опыт в полноте: он более интенсивно переживает этот опыт. Но это полнота того, что он переживал же здесь. Это не что-то другое – это полнота того же опыта. Таким образом, вечная жизнь – это не вечная скука, и мы не можем думать: «Бедняга, как ему не повезло!». Может, Джованни повезло больше, чем нам. Даже без «может»: ему повезло больше, чем нам! Поэтому сегодня он говорит нам: «Посмотрите, жизнь такова». Переживая сейчас эту полноту, он говорит всем нам: «Друзья, жизнь такова! Жизнь - Христос, и смерть – приобретение».